

ОРГАНИЗАЦИЯ НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX в. (на примере селения Чернышевки Сысоевской волости)

Инна Владимировна ПЧЕЛА,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры отечественной истории и методики преподавания истории Уссурийского государственного педагогического института, г. Уссурийск.

E-mail: pchelka70@mail.ru

На примере открытия одноклассной церковноприходской школы селения Чернышевки автор показала трудности, с которыми сталкивались переселенцы при организации школьного дела.

Ключевые слова: одноклассная церковноприходская школа, переселенцы, православная церковь, сельский сход.

The experience of the organization of primary education in the settlement Chernishevka Sisoev Volost...

I. V. Pchela, Candidate of Pedagogical Science, Ussuriisk State Pedagogical Institute, Ussuriisk.

Addressing to the materials of the Russian State Historical archive of the Far East helps to study the history of forming the primary education in Primorskiy region. Describing the one-class church-parochial school the author shows the difficulties with which the first settlers had met while organizing the first school. In the article the contribution of the settlement self-government institutions and clergy in the construction of the parochial temple and opening of the one-class church-parochial school is shown.

Key words: one-class church-parochial school, settlers, Orthodox Church, village meeting.

Зарождение начального образования в Чернышевке уходит своими корнями в начало XX в., когда на берегу р. Телянзы возникло новое поселение. Крестьянский начальник Верхне-Уссурийского участка Ф.А. Беляцкий писал: «Новосельческие селения возникают не по дням, а по часам. В один месяц, в особенности осенью, создаются деревушки, состоящие из нескольких десятков изб самых скромных размеров» [9]. В 1902 г. согласно статистическим данным, собранным чиновником особых поручений переселенческого управления, зав. водворения переселенцев Хабаровского края И.В. Данильченко «...в селении Чернышевке число дворов — 2, семей — 3. Мужчин — 12, женщин — 11, всего 23 человека [11. Л. 66]. Быстро и динамично развивается поселение, ежегодно прибывают всё новые

семьи. В 1904 г. по Чернышевке значилось 32 строения [12]. В 1909 г. насчитывалось 107 дворов, в семьях крестьян подрастало 70 мальчиков и 35 девочек школьного возраста [13].

Местной администрации необходимо было решать целый комплекс проблем обустройства переселенцев, значительная часть которых была неграмотной или малограмотной. Это объяснялось малыми расходами на народное образование в начале XX в. не только в Приморской области, но и в Российской империи в целом. Каждые 6 из 8 человек были малограмотными. «Грамотность ничтожна до безобразия, — говорилось в справочнике «Дальний Восток» за 1910 г., — если оставить дело в таком положении, то всеобщей грамотности едва ли достигнем и через сотни лет» [14, с. 281]. В числе острых проблем было удовлетворение религиозных и образовательных потребностей новосёлов. По свидетельству офицера Генерального штаба И. П. Надарова, «...в каждой партии переселенцев бабы плакали, что на местах их новой родины нет церкви и школы» [6]. По наблюдениям чиновников Переселенческого управления, наличие православного храма, планы или факт его строительства были важным критерием выбора переселенцами места постоянного проживания [8]. По мере привлечения в населённые пункты значительного количества новосёлов расширялись материальные возможности сельских обществ, ускорялось строительство храмов и открытие при них начальных школ.

15 декабря 1907 г. «Владивостокские епархиальные ведомости» поместили статью «О необходимости постройки храмов и открытия приходов в за-Анучинском районе», в которой автор выразил чаяния переселенцев: «Больше всего народу двинулось в за-нучинский район... Образовавшиеся посёлки разбросаны на большом расстоянии и слишком удалены от приходского храма и священника, находящегося в Анучино. Самые удалённые находятся на расстоянии 170 вёрст. Благодаря тому, что пути по непроходимой тайге невозможны, священник Анучинской церкви не имеет никакой возможности посетить свою паству для удовлетворения нужд ея... Больные должны умирать без христианского напутствия, новорождённые младенцы некрещёными. А тут ещё старообрядцы... подсмеиваются над православными, предлагая им своего «попа». Конечно, вполне возможны случаи уклонения православных в раскол» [2. 1907. № 4. С. 453].

Осознавая возможную опасность и идя навстречу пожеланиям прихожан, строительство храма в Чернышевке было разрешено. Указом Святейшего Синода от 30 апреля 1908 г. № 5078 в переселенческих районах открылись новые приходы, отпущено пособие на постройку церквей (в том числе в Чернышевке). Согласно официальным расчётам на 1901 г. государство в лице Синода и Переселенческого управления выделяло на строительство храма по 5 500 рублей. На эти деньги можно было построить деревянный храм без внутренней отделки, вместимостью на 250 человек [15]. Сельское общество Чернышевки получило пособие в размере 3 000 рублей [2. 1908. № 14—15. С. 356] и ссуду от Переселенческого управления (3 800 рублей) [16]. Разумеется, выделенных средств было недостаточно,

стоимость строительства храма была значительно больше. Со своей стороны прихожане участвовали в заготовке и доставке строительного леса, организовали сбор средств. Владивостокская духовная консистория выделила сборную книгу за № 495 на имя крестьян Трофима Карабута и Ефима Поргунова [2. 1908. № 18. С. 430], наделив их полномочиями для сбора денежных пожертвований на возведение деревянного храма. Активное участие в строительстве приняли крестьяне Лука Вялков, Сергей Брага и Нил Коваленко. Их деятельность была особо отмечена выражением благодарности архиепископа Евсея и грамотой [2. 1913. № 14—15. С. 361—362].

11 июля 1910 г. на заседании Владивостокского епархиального комитета по удовлетворению духовных потребностей населения под председательством высокопреосвященного Евсея обсуждался вопрос об открытии новых приходов в епархии. Были названы пункты, в которых необходимо открыть приходы. В их числе по IV благочинному округу — селение Чернышевка Сысоевской волости [1]. 31 января 1911 г. указом Святейшего Синода за № 1716 самостоятельный приход с причтами из священника и псаломщика и отпуском на содержание каждого причта от казны жалования по 800 рублей в год (600 рублей священнику и 200 рублей псаломщику) был открыт [2. 1911. № 6. С. 186]. По данным Владивостокских епархиальных ведомостей священником в Чернышевский приход был назначен выпускник Московских пастырских курсов о. Андрей Болсуновский, псаломщиком — Алексей Сивиллов [2. 1912. № 17. С. 549]. Появление приходского священника ускорило открытие в селении начальной школы.

Переселенческому управлению для устройства школ деньги отпускались. Но положение в народном образовании оставалось тяжёлым. Это подтверждает крестьянский начальник Ф.А. Беляцкий. В 1907 г. он писал: «Переходя теперь к народному образованию в участке, приходится с прискорбием сказать, что таковое стоит ниже всякой критики. Имеются почти во всех старожильческих селениях школы, но нет хороших учителей. Всех школ в участке имеется 14, из них министерских — 6 и церковно-приходских — 8. Всех учащихся 18, из них 10 — в министерских школах и 8 — в церковно-приходских. Всего детей школьного возраста 2 996. Из общего числа 417 детей, обучающихся в министерских училищах, 332 мальчика и 85 девочек. В церковноприходских школах обучаются 134 мальчика и 122 девочки. В новосельческих селениях школ нет. В сем отчётном году открыто новых школ М(инистерства) Н(ародного) П(росвещения) — три, церковноприходских — ни одной...» [9]. В связи с острой необходимостью срочного открытия школ осенью 1909 г. начала действовать «Комиссия по разработке вопроса об открытии школ для детей переселенцев». Она занялась усиленным «насаждением» начальных школ. Сельское общество Чернышевки сделало выбор в пользу церковноприходской, а не министерской школы.

Решение открыть одноклассную церковноприходскую школу было принято с учётом того, что «...селение Чернышевка — согласно отчёту епархиального наблюдателя церковных школ за 1908—1909 учебный год, —

основано в 1901 г. с земельным наделом на 387 д. ... имеет вполне достаточное население, которое прожило на новом месте 8 лет, т.е. успело окрепнуть, удовлетворить самые насущные свои нужды. Открытие школы в селении вполне благовременно» [2. 1910. № 10. С. 293]. Не дожидаясь постройки школы, учитель Андрей Максимович Дзюба, присланный от Епархиального училища в 1909 г., приступил к обучению сельской детворы. Занятия проходили одновременно по два-три класса в наёмном доме, предоставляемом сельским сходом под школу на определённый срок. На первых порах содержание школы всецело обеспечивало сельское общество. Сельчане расплачивались с учителем продуктами: хлебом, молоком, мёдом.

Однако даже начальную школу посещали не все сельские ребята. Народная истина «школа сорочки не даст» заставляла девочек с малых лет садиться за прялку, а мальчишек идти в поле помогать отцу. По данным епархиального ведомства занятия Чернышевской школы регулярно посещали 27 мальчиков и 7 девочек, хотя в селе было 80 детей от 8 до 11-летнего возраста [2. 1910. № 12. С. 439].

Собственного здания школа не имела. Сельское общество обратилось во Владивостокскую епархию и в Переселенческое управление с просьбой о выделении средств на его постройку. В 1910 г. для этих целей было отпущено 4 150 руб. Строительство развернулось в центре села, рядом со строящимся храмом. В статье «Встреча со школой — свидание с юностью» [5] В. Маргулис пишет, что было выстроено двухэтажное здание, однако никаких сведений, подтверждающих этот факт, найти не удалось. Сохранились воспоминания старожилов села: «Строители-китайцы быстро возвели новое здание — большое, светлое, одноэтажное. Свежевыкрашенная школа готовилась к открытию и уже была сдана под ключ, когда рабочие-китайцы поссорились с подрядчиком и ночью школу сожгли. Долго ребята играли на пепелище и бегали по фундаменту, пока строительство Дома культуры не уничтожило следы окончательно» [3]. До 1920-х гг. школа будет располагаться «...в той хате, кто впустит».

Осенью 1911 г. завершилось строительство храма Вознесения. Его изображения не сохранилось, остались лишь воспоминания: «Церковь представляла собой сложенный из брёвен восьмиугольник. С одного угла к ней примыкала звонница. Церковь имела позолоченные купола — один побольше, два — поменьше, крыльцо — каменное; изнутри сложена из тёмно-коричневых базальтовых блоков» [3. Г.В. Новицкий]. Храм освящался до завершения отделочных работ, его благоустройство по причине бедности прихожан растягивалось на долгие годы. А.Н. Смагин в статье «Православные страницы истории Анучинского района» отмечал, что в Южно-Уссурийском крае для освящения храма заимствовались предметы культа из соседних приходов, утварь, как правило, приобреталась в кредит на епархиальном складе [10]. Чернышевский храм не стал исключением. Его убранство было более чем скромным. Частично эта проблема решилась за счёт пожертвований прихожан. В Чернышевском приходе

ими стали псаломщик Филарет Крапивин, крестьяне Павел Резниченко, Илья Тищенко и Михаил Дубинин [2. 1914. № 5—6. С. 214, 216—217]. Тем не менее бедным прихожанам убранство церкви казалось великолепным: «Внутри церковь была красиво расписана. Посмотришь вверх, а там голубой потолок и белые звёзды. Красота такая! А в солнечный день, кажется, будто и нет потолка, а одно голубое небо. Справа была певчая, а слева — резной позолоченный алтарь. Эта маленькая церквушка, богато убранная и отделанная прекрасно, вписывалась в окружающий пейзаж» [3. Г.В. Новицкий].

Освящение храма Вознесения состоялось 14 декабря 1911 г. в многолюдной и торжественной обстановке с участием хора певчих из учеников церковноприходской школы. «Владивостокские епархиальные ведомости» в разделе «Хроника епархиальной жизни» поместили по этому поводу короткую заметку, в которой в частности отмечалось, что «Благочинным 4-го округа священником о. Гр. Ваулиным, по благословлению Его Высокопреосвященства, 14 декабря совершено освящение нового храма в Анучинском переселенческом подрайоне — в Чернышевке, в служении священников о. Иака. Шабельникова, о. Ан. Болсуновского. Народу на торжествах было много, чувствовалась общая радость. Пели местные хоры певчих из учеников церковноприходских школ» [2. 1912. № 1. С. 22—23, 231].

Церковные службы стали неотъемлемой частью жизни. Священнослужители руководили работой по благоустройству храма, регистрировали акты гражданского состояния. Хорошими голосами славился церковный хор, состоявший из бывших учеников церковноприходской школы. Основной заботой священника в те годы оставалось содействие развитию начального образования в своём приходе. Условия, в которых протекала его деятельность на этом поприще, отчасти позволяют восстановить отчёты епархиального наблюдателя церковноприходских школ Владивостокской епархии. В течение года он посещал более 60 учебных заведений своей епархии, сравнивал учебный и воспитательный процессы, отмечал успехи и недостатки в работе отдельных школ, в том числе и в Чернышевской. Реконструируем учебно-воспитательный процесс в этой школе на примере 1914—1915 учеб. года.

Учебный год в одноклассной церковноприходской школе Чернышевки начался со второй половины сентября, а закончился, по случаю военного времени, в конце апреля. Кратковременность учебного года была обусловлена не только обстоятельствами военного времени, но и неаккуратным посещением и преждевременным оставлением школы учащимися. Большое число детей, нерегулярно посещавших школы или прекращавших занятия до конца учебного года, составляло заурядное явление в жизни любовью начальной школы. Причины этого коренились в условиях сельского быта. «Школа сорочки не даст», — говорили отцы своим детям, едва освоившим азы грамоты; большего крестьянину не нужно. Но в отчётном году прекращение занятий наблюдалось гораздо чаще, чем прежде. Это объяснялось тем, что с началом Первой мировой войны значительная часть

мужчин ушла на фронт. Крестьянские семьи лишились кормильцев и работников, взятых по мобилизации или призванных на военную службу. На фронт ушли Павел и Емельян Дубина, Филимон Кулик, Никита Волошин, Пётр Бескровный, Филипп Дедовец, Захар Меша и др. Кроме того, во многих семьях пошатнулось общее благосостояние, нередко за неимением одежды и обуви детей в школу не пускали.

Но учебный процесс не прервался. В полупустых классах занятия протекали по расписанию, утверждённому епархиальным училищным советом. «Отступления от него были не часты и наблюдались главным образом, в школах с малоопытными учащими, не владевшими техникой ведения учебных занятий одновременно с несколькими отделениями» [2. 1916. № 13. С. 67]. В Чернышевской школе трудились «многоопытные учащие» — законоучитель о. Андрей Болсуновский и учитель А. М. Дзюба. В 1914—1915 учебном году в школы Никольск-Уссурийского отделения школьные журналы были разосланы с опозданием, из-за чего повсеместно встречалось неисправное ведение школьной документации. Но это не помешало епархиальному наблюдателю В. Антонинову проанализировать успехи и недостатки в работе учителей, в том числе и чернышевских.

В своём отчёте о состоянии церковных школ во Владивостокской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1914—1915 гг. [10. Л. 59] он описал условия, в которых протекали занятия. «Обучение и воспитание велось в духе и практике церковноприходской школы. Ежедневно перед началом занятий в школе совершалась общая утренняя молитва, которую по очереди читали учащиеся старших отделений, или молитвы прочитывались хором учащимися с канонархом; положенные правилами молитвы пелись; перед началом каждого урока и по окончании также прочитывались положенные молитвы. Вечерние молитвы по большей части не читались за неудобством в такое время собирать учащихся в школу, но принято прочитывать оные по окончании уроков» [2. 1916. № 13. С. 67].

Основным предметом церковноприходской школы был Закон Божий. Его уроки проходили ежедневно. Исполнять обязанности законоучителя должны были члены клира; только в крайнем случае вести этот предмет могли светские учителя. Законоучителем Чернышевской школы был о. А. Болсуновский. Перед ним стояла цель — сообщить сведения по Священной истории и воспитать подрастающее поколение в традициях «любви к Отечеству и преданности престолу». Специфика предмета требовала не просто заучивания и воспроизведения догматов, но проведение уроков «...в форме живых и вразумительных бесед с детьми о вере и благочестии как основном начале христианской жизни».

Особую сложность представляло изучение Ветхого Завета, с обилием труднопроизносимых имён и географических названий. Поэтому дети быстро утрачивали интерес к предмету. Примером того, что не всем легко давалась эта наука, можно привести воспоминания А. Е. Сагайдак: «Не запоминала я эти молитвы. Не понимала их, а однажды подошёл ко мне батюшка, постучал по лбу пальцем и сказал: «Балбес царя небесного!».

С тех пор я и перестала в школу ходить» [3]. В. Антонинов, посетив занятия Чернышевской школы, отметил успехи учеников и их наставника. «Похвальные успехи по Закону Божию оказали ученики Чернышевской школы (священник А. Болсуновский). Познания учащихся очень хорошие: молитвы учащиеся произносили не спеша, сознательно, с заметным оттенком чувства благоговения, они не только умели переводить отдельные слова и выражения, но и понимали их общий смысл; толково рассказывали истории из Ветхого и Нового Заветов, умели устанавливать необходимую связь между событиями Нового и Ветхого Заветов и даже объяснять прообразы» [10. Л. 63].

Закон Божий был основным, но не единственным предметом церковноприходской школы. По методу преподавания к нему примыкала церковнославянская грамота. Если учитель не осознавал взаимосвязи между этими предметами, то обучение ограничивалось чтением отрывков из Евангелия. При этом читалось всё подряд, без заранее обдуманного плана. Такое замечание было высказано проверяющим о. А. Болсуновскому. В течение ряда лет занятия по церковнославянской грамоте в Чернышевской школе подвергались критике. Так, в отчёте епархиального наблюдателя за 1912—1913 учеб. год отмечалось: «...в 1-м отделении изучение славянской грамоты обыкновенно начиналось лишь со второй половины учебного года, но некоторые учащие (к счастью, очень немногие) и совсем не преступали к нему в 1-й год обучения под разными предлогами (как, например, в чернышевской школе)» [2. 1914. № 5—6. С. 214, 216—217]. Вероятно, критика возымела действие, поскольку в 1914—1915 учеб. году замечаний по поводу преподавания церковнославянской грамоты не высказано.

Ещё одним предметом церковноприходской школы было чтение. Оно начиналось с Псалтыри, считающейся «ковчегом священной лирики». В. Антонинов с прискорбием замечал: «В школах к чтению Псалтыри обращались редко и с видимой неохотою, вероятно, потому, что этого рода чтения нельзя вести без основательной подготовки» [10. Л. 66 об.]. Законодателям рекомендовалось больше времени уделять на чтение самых доступных псалмов. Уроки следовало направить на обучение детей правильному, благоговейному, «псалмодическому» (напевно-плавному) чтению. Чернышевские школьники «...довольно твёрдо и уверенно читали и переводили со славянского на русский евангельские повествования и даже в состоянии были подробно пересказывать то или иное священное повествование, прочитанное ими по-славянски: более успевавшие принимали участие в клиросном чтении при богослужении» [10. Л. 65].

Вероятно, одним из самых любимых уроков чернышевской детворы было пение. Обучение этому предмету нацеливало на укрепление в детях церковномолитвенного чувства. Проводились общие занятия для всех учеников. «В первый год обучения церковному пению дети должны были научиться унисонному пению, сначала речитативу простейших песнопений. Голосовое пение, т.е. 8 основных мелодий богослужебного распева, осваивались детьми как пение важнейших тропарей» [7]. Кроме церковных

песнопений, учили гимны светского характера «Боже, Царя храни», «Коль славен», детские и народные песни, соответствующие детскому возрасту. В идеале планировалось, что ученики церковных школ освоят нотную грамоту, в дальнейшем будут применять хоровое пение по нотам. На практике метода была далека от идеала. Даже в школах, где педагоги имели образование, полученное в духовно-учебных заведениях обучение церковному пению в большинстве случаев велось по слуху. В. Антонинов с сожалением замечал, что «только в некоторых школах дети были ознакомлены с начертанием нот, упражнялись в пении гаммы, ея интервалов, но нигде не достигали более или менее свободного чтения нот. Главное внимание было обращено на изучение детьми молитв, гласовых напевов и наиболее употребительных при богослужении священных песнопений» [10. Л. 64—65].

Отрадно заметить, что в числе 19 школ Владивостокской епархии, при которых, по словам проверяющего начальника, хоровое пение более или менее правильно организовано, был отмечен и хор с участием школьников церковноприходской школы селения Чернышевки [10. Л. 65].

Отмечал проверяющий успехи и недостатки в работе учителя А. М. Дзюба. Так, в 1914—1915 учеб. году курс грамматики проходил согласно программе, хотя практические результаты получались далеко не вполне удовлетворительные. Это объясняется, по словам В. Антонинова, «...отчасти малым числом уроков, уделяющимся на диктовки и переложения, как например в Чернышевской школе (учитель Дзюба)» [2. 1914. № 5—6. С. 216—217]. Вместе с тем проверяющий отметил, что прекрасно поставлено преподавание русского языка [10. Л. 66]. По его словам, этот предмет следует признать труднейшим из преподаваемых в начальной школе. Чернышевская школа достигла в этом отношении вполне удовлетворительного успеха: учащиеся к концу года читали правильно, свободно и выразительно; при этом выражали свои мысли полно и до известной степени точно; знали достаточное количество образцов художественной речи — стихотворений и басен и читали их довольно свободно и плавно, с доступной их возрасту и развитию выразительностью; успехи по письму также должны быть признаны удовлетворительными; в большинстве случаев учащиеся приобрели достаточные навыки не только в орфографии — правильном письме под диктовку, но и в самостоятельном изложении на переложениях.

Особым образом проверяющий отметил успехи чернышевских школьников по арифметике. Он указал, что программа по этому предмету выполнена. Учащиеся наряду с устным решением задач приучались решать их письменно (на классной доске и в тетрадях), соблюдая порядок в вопросах и вычислениях по известному плану. Более того, «...учащиеся 2-го отделения настолько хорошо освоились с начертанием славянских и римских цифр, что совершенно свободно оперировали ими даже при решении задач на все действия в пределах 100 (хотя эта виртуозность в знании и не требуется программой)» [10. Л. 66 об.].

Кроме перечисленных предметов в 1914—1915 учеб. году в Чернышевской школе проводились занятия по гимнастике и военному строю, что

в условиях военного времени было не лишним. Об особом внимании к этому аспекту учебно-воспитательной работы церковноприходской школы писал зав. переселением крестьян в Южно-Уссурийском крае Н. С. Веденский в 1894 г. По его словам «Церкви в Южно-Уссурийском округе служат почти единственным связывающим звеном населению, собравшемуся сюда из разных местностей. Церкви удовлетворяют духовные потребности народа, так недавно ещё покинувшего свою родину и близких там людей, и вследствие этого находящиеся более или менее в угнетённом состоянии духа. Это единство и эту силу, если не среди взрослых, то среди подрастающего поколения необходимо поддерживать всеми мерами именно на окраинах, где народу, в случае войны, прежде всего, придётся стать на защиту «Веры, Царя и Отечества» [4].

Этим обстоятельством можно объяснить то внимание, которое уделяли педагоги патриотическому воспитанию сельских ребятишек в условиях Первой мировой войны. В отчёте за 1914—1915 учеб. год упомянуты школьные праздники, проведённые в период рождественских каникул и на масленице, где дети читали стихотворения, пели соответствующие песни. Но раздачи лакомств и недорогих подарков, которые обычно сопровождают такие мероприятия, не было: по единодушно выраженному детьми желанием собранные средства были определены на нужды защитников Отечества. Отметим, что указанным великодушным порывом проявление патриотических чувств не ограничилось. Сельская детвора не осталась равнодушной к тому горю, которое пришло во многие чернышевские семьи: погибли односельчане Е. Дубина, П. Бескровный, Ф. Кулик и др.; пять лет проведёт в плену Ф. Дедовец. Юные чернышевцы откликнулись на призыв принять участие в помощи армии, тем или иным способом облегчить страдания тех, кто жизни не щадит для Родины, а равно и беззащитных стариков, женщин и детей, потерпевших от военных бедствий. Они собрали в день Рождества Христова при хождении по селу со звездой 32 руб. 80 коп. и передали их в фонд помощи пострадавшим от войны [10. Л. 73—73 об.].

Таким образом, школа играла важную роль в обучении и воспитании подрастающего поколения. Сельчане уважали педагогов, обучавших их детей грамоте, чтению, письму, воспитавших почтение к старшим, любовь к Отечеству. Мнение крестьян разделял и епархиальный наблюдатель. По результатам своей поездки он составил список священников в районе Никольск-Уссурийского отделения, наиболее ревностно относящихся к школьному делу. В этом списке третью строчку занимают заведующий и законоучитель Чернышевской одноклассной церковноприходской школы о. А. Болсуновский. Отметил В. Антонинов и тех учителей, которые усердно потрудились и своими трудами обеспечили отличную или хорошую успешность своих школ по преподаваемым предметам. Среди них упоминается А. М. Дзюба [10. Л. 80].

В целом органы местного самоуправления и церковь сыграли решающую роль в освоение новых земель, в налаживании жизни новосёллов на местах их водворения, в постройке храма и открытии одноклассной

церковноприходской школы. Несмотря на очевидные успехи, достигнутые начальной школой с. Чернышевки, в короткий период времени всех проблем решить не удалось. Недостаток помещений для обучения сельских детей будет ощущаться вплоть до 1920-х гг. Несмотря на то, что деятельность органов местного самоуправления и священнослужителей в исторической перспективе была непродолжительной, она стала неотъемлемой частью процесса освоения новых земель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ведомство о положении школьного дела в Приморской и Приамурской области в 1909 г.: О необходимости открыть новые приходы в епархии // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 3. Д. 341. Л. 15—17.
2. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. № 4; 1908. № 14—15, 18; 1910. № 10, 12; 1911. № 6; 1912. № 1, 17; 1913. № 14—15; 1914. № 5—6; 1916. № 13.
3. Воспоминания К.Е. Волошиной, Г.В. Новицкого, А.Е. Сагайдак находятся в музее ПУ-53, с. Чернышевка.
4. Из доклада зав. переселением крестьян в Южно-Уссурийском крае Н.С. Веденского о необходимости строительства церкви в Анучино. 13 июня 1894 г. // РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 616. Л. 56—57.
5. Маргулис В. Встреча со школой — свидание с юностью // Анучинские зори. 2001. 26 окт. С. 3.
6. Надаров И.П. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край. Записка Приамурского Отдела Императорского Русского географического общества. Т. 2. Вып. 4. Хабаровск, 1898. С. 54.
7. Наумова Н.Н. Роль и место Закона Божьего в учебно-воспитательном процессе // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы X междунар. науч. конф. / ред. А.М. Антипова. Уссурийск, 2008. С. 30.
8. О положении школьного дела в Приморской и Приамурской области в 1909 г. // РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 489. Л. 500 об.
9. Отчёт крестьянского начальника 8-го участка Ф.А. Беляцкого о состоянии Верхне-Уссурийского крестьянского участка 1907 г. // РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571. Л. 71 об.
10. Отчёт о состоянии церковных школ во Владивостокской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1914—1915 гг. // РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 508. Л. 59, 63—65, 65 об., 66, 66 об., 73—73 об., 80.
11. Статистические данные о селениях Анучинского района, собранные чиновником переселенческого управления И.В. Данильченко за 1902 г. // РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2173. Л. 5—6.
12. Сведения о количестве жилых строений в Анучинских селениях на 1904 г. // РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1530. Л. 18 об.—19.
13. Сведения о положении школьного дела по Верхне-Уссурийскому участку Приморской области за 1909 г. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341. Л. 81.
14. Приморский край / под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1981.
15. Разумовский А.Г. Владивостокская епархия за первые пять лет её существования (1899—1903 гг.). Симферополь, 1906. С. 58.
16. Список селений Приморской области, в которых построены или производятся постройки церквей при участии переселенческой организации за 1906—1910 гг. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341. Л. 19.